

ИРАДА БАГИРОВА¹АЗЕРБАЙДЖАН ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ
(ФЕВРАЛЬ 1917- ЯНВАРЬ 1918 ГГ.)

Ключевые слова: *Февральская революция, Государственная дума, Мусульманская фракция, Временное правительство, ОЗАКОМ, Мусульманский съезд, Учредительное собрание*

1917-й стал годом великих потрясений и не менее великих ожиданий. Февральская революция, с которой он начался, положила конец 300-летней империи Романовых, вызвала небывалый подъем политической активности всех народов Кавказа. Огромное влияние оказала она и на Азербайджан, в корне изменив всю структуру власти и дав новый импульс общественно-политическому и национальному движению. Демократические преобразования, начатые пришедшим к власти Временным правительством, декларировали отмену национальных и религиозных ограничений. Среди самых животрепещущих проблем, так и не разрешенных самодержавием, одно из главных мест занимал национальный вопрос. Надежда на разрешение новым строем национальных проблем была так велика, что даже самые сильные скептики поверили в вероятность скорейшего их решения. Этим, видимо, и объясняется тот невероятный оптимизм и восторг, которым было встречено в Баку, Тифлисе, Гяндже и других городах известие о крушении монархии. Все газеты были полны радостных ожиданий от свершившегося 27 февраля перехода власти к Временному комитету Государственной Думы, а затем и создания Временного правительства, как первого демократического органа власти. Вот что писал известный азербайджанский публицист Джейхун бей Гаджибейли в эти дни: «Настал день освобождения страны от душившего ее в продолжение многих лет кошмара. Этого дня вместе с русским обще-

ством ждали с нетерпением и остальные граждане России, которые неся с коренным русским народом все тяготы и заботы об охране и благоденствии России, однако старой властью не признавались родными сынами Отечества, а были окрещены специальным термином: инородцы... Среди этих инородцев были и мы – второе по численности ядро Российского государства, мы – 30 миллионное мусульманское население страны... И вот настал долгожданный час: отнюдь уже нет больше этой позорной клички: инородец! А есть только общий почетный титул: Гражданин!» (23, 7 марта, №53). Восторженность Дж.Гаджибейли разделял и М.Э.Расулзаде, с первых же дней революции начавший публикацию серии статей в своей газете «Ачыг соз», посвященных этому знаменательному событию. Называя царский режим «кровавым жандармом» и врагом всего народа, Расулзаде призывал к единению всех мусульман России с прогрессивными силами русского народа, объединиться под руководством Мусульманской фракции Государственной Думы (2, 7 марта, №417). Огромные ожидания Расулзаде, так же, как и все его единомышленники, связывал с будущим Учредительным собранием, которое «вне сомнения, создаст новые условия для всех народностей, населяющих свободную Россию» (2, 7 марта, №417). И в определенной степени этот оптимизм оправдался, и даже в большей мере, чем предполагал автор этих строк, только не в рамках долгожданного Учредительного собрания.

Весть о революции была встречена единодушным ликованием всех слоев общества и национальностей. В Баку была

¹ *Заведующий отделом истории Кавказа Института истории им. А.Бакиханова НАНА, доктор исторических наук, доцент.*

проведена приветственная однодневная забастовка. Особый энтузиазм вызвало сообщение об объявлении Временным правительством всеобщей амнистии политзаключенным. В первые же дни революции в Азербайджане на свободу было выпущено 600 человек (23, 5 марта, №51).

На рауте по случаю Новруз байрама видный общественный деятель, бывший депутат Государственной Думы Ф.Хойский огласил текст телеграммы, посланной в Петроград в адрес Родзянко и председателя Мусульманской фракции от имени 30-ти мусульманских общественных организаций г. Баку. В телеграмме выражалась уверенность, что мусульмане, как и все граждане России, "освободившись от вековых гонений низвергнутого в прах режима, возродятся к новой светлой созидательной жизни в свободной России" (10, 10 марта, №56). Находившийся в то время в Тифлисе английский журналист М.Филипс-Прайс так описал один из многочисленных митингов, проходивших тогда во всех городах Закавказья: «Дух Демоса внезапно возник из множества подавленных индивидуальностей, проявившись в образе этого огромного собрания средневековых горцев и рабочих XX века, воодушевленных идеей братства и свободы» (21, с.41).

9 марта Временное правительство отстранило от деятельности Кавказского наместника великого князя Николая Николаевича, назначив для управления краем Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) во главе с членом IV Думы кадетом А.Харламовым. В его состав вошли также думские депутаты М.Ю.Джафаров, А.Чхенкели, М.Пападжанов и др. (1, с.221).

На повестке дня нового правительства стояли два первоочередных вопроса – вопрос о войне и национальный. По последнему вопросу в первые же дни Временное Правительство приняло документ «Отмена вероисповедных и национальных ограничений», который предусматривал отмену ограничений в сфере военных, политических, гражданских, языковых, религиозных и др.

прав (16, с.32-39). Однако, несмотря на такое многообещающее название, в ближайшее же время стало ясно, что как определение формы государственного строя, так и юридическое обоснование прав народов и религий было отложено до Учредительного собрания, время созыва которого еще не было озвучено. Интересно отметить одну деталь, которая демонстрирует дифференцированное отношение к разным национальностям со стороны новой власти. Несмотря на то, что долгое время право на самоопределение и реальную независимость для Польши и Финляндии приписывалось правительству большевиков и даже лично Ленину, такое стремление было выражено уже 16 марта 1917 года Временным правительством в «Воззвании к польскому народу» (23,19 марта, №64). В частности, в нем наряду с выражением дружбы и любви польскому народу высказывалось следующее намерение: «В российском учредительном собрании предстоит скрепить окончательно новый братский союз и дать свое согласие на изменение государственной территории России, которое необходимо для образования свободной Польши из всех трех ныне разрозненных частей ее» (23,19 марта, №64). То есть на будущее Учредительное собрание возлагалась функция провозглашения независимости Польши, чего нельзя было даже представить в отношении других народностей России. С изменением политической ситуации этим народом пришлось решать свою судьбу самим.

Между тем, митинги и демонстрации первых дней Февральской революции завершились образованием двух органов власти в Баку - Исполнительного комитета общественных организаций (ИКОО) и Совета рабочих депутатов. Первый из них исполнял свои функции до октября 1917 года, второй же фактически с этого времени и до июля 1918 года сосредоточил в своих руках всю полноту власти. В состав ИКОО вошли как представители бывших городских властей, так и члены либеральных и социалистических партий. Председателем ИКОО вначале

стал Л.Л.Быч, затем его сменил меньшевик В.И.Фролов. От азербайджанского населения в комитет вошли М.Г.Гаджинский и М.Э.Расулзаде (8, 6 марта, № 51). Таким образом, в этом органе были представлены не только социальные верхи, но практически весь политический спектр Баку.

Буквально через два дня после учреждения ИКОО, в ночь с 6 на 7 марта прошло первое заседание вновь созданного Бакинского совета рабочих депутатов (1, с.222). Большинство в Совете, как и повсюду в России, составили эсеры и меньшевики. Председателем Совета, правда, был избран заочно С.Шаумян, вернувшийся из Саратовской ссылки только 8 марта. Всего в Совет было избрано 9 большевиков. В апреле 1917 г. большевики добились дополнительных выборов в Совет, где их представительство было увеличено до 25-ти человек. Тем не менее они по-прежнему оставались в меньшинстве, 88 членов Совета из 113 являлись меньшевиками, эсерами и дашнаками (1, с.236). А во время переизбрания Исполкома Бакинского Совета в начале мая эсероменьшевицкое большинство добилось избрания на пост председателя Совета вместо С.Шаумяна известного эсера Сако Саакяна (10, 12 мая, № 104).

Одно из крупнейших завоеваний первых месяцев революции 8-часовой рабочий день, был введен в Баку с 2 мая 1917 года указом ИКОО, под которым стояли подписи председателя ИКОО - В.И.Фролова и члена ОЗАКОМа М.Ю.Джафарова (17, 18 апреля, №31).

Большую роль в жизни азербайджанского общества в качестве одного из первых органов национального самоуправления сыграл созданный также в марте Комитет мусульманских общественных организаций (БКМОО), образованный 9 марта в Баку. На собрании была принята резолюция о солидарности с Петербургским правительством. Закавказское Духовное управление обращается к населению с призывом о присоединении к общегражданскому движению (10, 15 марта, №60). 22 марта было избрано

Национальное бюро Временного Комитета мусульманских общественных организаций во главе с М.Г.Гаджинским, который должен был подготовить азербайджанское население к созыву Учредительного собрания. (23, 18 марта, №63) В его состав вошли в основном представители либеральной интеллигенции, отдельные нефтепромышленники и один представитель духовенства. В Исполнительный комитет вошли А.М.Топчибаев и Ф.Х.Хойский, их заместители - Н.Нариманов и А.А.Амиджанов. В комитет были избраны также 12 представителей от рабочих (23, 29 марта, №71).

В духе консолидации национальных сил проходило заседание Совета мусульманских общественных организаций, состоявшееся 6 апреля 1917 года. Совет принял воззвание к "Мусульманам" от имени Временного комитета, в котором объяснялась цель создания этого комитета: "в целях ознакомления широких мусульманских масс с исторической важностью переживаемого момента, объединения всех мусульманских общественных сил..., для выяснения и популяризации национально-политических идеалов образовался Совет мусульманских общественных организаций, который избрал из своей среды Исполнительный орган - Временный Комитет бакинских мусульманских общественных организаций" (23, 9 апреля, №77). Дальнейшая судьба России в этом обращении видится в виде «Демократической Республики», а в формулировке политического статуса уже присутствует лозунг об «Автономии Азербайджана». Таким образом, уже через несколько недель после Февральской революции Временный комитет мусульманских общественных организаций, объявил, что он представляет интересы всех мусульман Закавказья, и его представители должны войти в будущее Учредительное собрание. Активное участие в работе Совета и Комитета принимали члены, вышедшей из подполья партии "Мусават", о чем свидетельствует тот факт, что официальным печатным органом Совета стала газета "Ачыг сөз". В пользу комитета и газеты Муса

Нагиев пожертвовал 25 тыс. рублей (2, 10 апреля, №446).

Активную политическая деятельность развернули в это время и представители гянджинской политической элиты, образовав Елисаветпольский (Гянджинский) Исполнительный Комитет во главе с Халилбеком Хасмамедовым. В Комитет вошли Г.Агаев, Н.Сафиюрдский, Ш.Рустамбеков, А. Рафибеков, А. Хасмамедов, М.А.Рафиев и др. (10, 24 марта, № 68). Кроме того, 2 апреля здесь образовалась новая партия социал-федералистов «Тюркская партия Эдеми-Меркезият», в которую за короткое время записалось 500 человек (23, 11 апреля, №79). Были сделаны крупные жертвования. Федералистами на митинге развивались красные знамена с надписями на азербайджанском языке: "Да здравствует демократическая республика!", "Да здравствует автономия Азербайджана!", т.е. впервые официально были произнесены слова "Азербайджан" и «автономия». Первая информация об этом митинге и программных требованиях федералистов была напечатана в "Ачыг сёз" (2, 9 апреля, № 445).

Одним из главных вопросов, стоявших на повестке дня нового правительства России, был вопрос о войне. Уже с первых дней своего существования Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым провозгласило верность союзническим обязательствам и взяло курс на продолжение войны. Его заверения подтвердил П.Миллюков со своей навязчивой идеей о взятии Константинополя и проливов. Он обратился к союзникам с нотой о ведении войны до победного конца (24, с.96). Однако изученные войной солдаты не разделяли энтузиазма правительства. Этому в определенной степени способствовала и политика новых властей по отношению к армии, объявившей о ее демократизации. В результате произошло резкое падение боеспособности армии, сопровождавшееся массовым дезертирством и самосудами над офицерами. Этим не замедлил воспользоваться Петроградский Совет рабочих депутатов, по приказу которого

были созданы солдатские комитеты, наделенными полномочиями отстранять командиров и выбирать новых, а также вмешиваться в вопросы военной стратегии (32, с.12). С его подачи прошли массовые демонстрации под лозунгами "Долой войну!", "Долой министров-капиталистов!" (27, с.24). Число дезертиров составляло до нескольких десятков тысяч в день. Не был исключением и Кавказский фронт, откуда солдаты направлялись в Россию через Баку и Тифлис и сыграв не самую приглядную роль в развернувшихся здесь в дальнейшем кровавых событиях.

Достаточно злободневным стал вопрос о войне и в Азербайджане. Здесь мы наблюдаем довольно противоречивую реакцию различных политических и этнических течений на генеральную линию правительства о продолжении войны. В частности, возобновивший с начала марта 1917 года свою работу оргкомитет бакинского отделения партии кадетов опубликовал в газетах "Баку" и "Каспий" воззвание, призывающее всех граждан к поддержке Временного правительства, к единству всех политических сил страны, к верности союзникам по Антанте и доведению войны до победного конца (10, 14 марта, №59). Самым страшным для кадетов была опасность двоевластия, которое "гибельно может отразиться на деле закрепления нового строя и победы над внешним врагом...И тогда Германия, раздавит нашу свободу и, освободивший себя такими жертвами Русский Гражданин снова станет немецким батраком» (23, 12 марта, №58). Хотя в конечном счете многие опасения кадетов сбылись (в том числе и предсказания о развале армии, и захват немцами огромной части России после Брестского мира), к их советам и призывам в тот момент прислушивалась весьма незначительная часть правящей верхушки, входившей в ИКОО.

Что же касается социалистических партий, то вопрос об отношении к войне здесь стоял довольно остро и стал еще одним камнем преткновения в извечных большевистско-меньшевистских дискуссиях.

Наиболее популярным среди всех социалистических партий, за исключением большевиков, был выдвинутый в Петроградском Совете его председателем Ираклием Церетели лозунг "революционного оборончества". Этот лозунг предполагал поддержку армии, участвующей в обороне страны и вместе с тем борьбу за достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Позицию Петроградского Совета поддержал Бакинский Совет со своим меньшевистско-эсеровским большинством (23, 18 марта, №63). Даже межрайонная конференция РСДРП, несмотря на упорное противодействие Шаумяна и других большевиков, приняла в 4-м пункте резолюции следующую формулировку: "Пока мир не достигнут, мы призываем не ослаблять и не дезорганизовывать армию в тылу и на фронте, а всячески поддерживать ее" (9, 22 апреля, №51). Однако по мере развития событий на театре военных действий, углубления экономического кризиса и реорганизации в правительственных сферах произошел окончательный раскол как в Бакинской организации РСДРП, так и в Бакинском Совете. На состоявшихся в мае конференциях и заседаниях Бакинской организации РСДРП, а также в предложенной Бакинскому Совету самостоятельной резолюции о войне и мире большевики резко поставили вопрос о прекращении войны, разрыве с октябристско-кадетской империалистической буржуазией и разрыве с меньшевиками-оборонцами (12, с.20-22). Большевики покинули это заседание и вышли из редакции "Бакинского рабочего" Окончательный разрыв с оборонцами, произошел 25 июня 1917 г. на межрайонной конференции БО РСДРП (12, с.40-45).

Возродившаяся в годы войны бакинская эсеровская организация в своих многочисленных листовках призывала к прекращению войны и восстанию с целью ниспровержения существующего строя (13, ф.46, оп.1, д.366, л.15). Эта часть организации являлась костяком левых эсеров, активизировавшихся в Азербайджане, как и в России после февраля 1917 г. Однако руководящая

часть исполкома эсеров занимала правые позиции социал-патриотизма и выступала с поддержкой России в войне.

Что касается национальных движений, то азербайджанские общественные организации, в частности, БКМОО, духовные лидеры и другие также призывали сплотиться и продемонстрировать лояльность Временному правительству. Вместе с тем, свое отношение к продолжению войны они открыто не озвучивали, но и не поддерживали милитаристскую риторику властей. Как известно, азербайджанцы не призывались в российскую армию, только часть местной элиты, прошедшая обучение в военных училищах, служила в основном в Татарском конном полку Дикой дивизии, сражавшейся в годы первой мировой войны на западном, главным образом, австро-венгерском фронте. Главной причиной, конечно, была симпатия азербайджанского населения к туркам, серьезные пантюркистские настроения среди интеллектуальной элиты, не способствующие успешному проведению военных операций с Османской империей. Поэтому естественным было желание мусульман скорейшего прекращения военных действий как на Западном, так и на Кавказском фронте. Кроме того, такие организации, как «Гуммет», «Муджахид» и «Дифаи» во время войны оказывали непосредственную помощь турецкой армии путем поставки денежных средств через Нахчыван, агитации по созданию партизанских отрядов и пр. (5, ф.276, оп.8, д.528 а, л.9). Большое число азербайджанцев участвовало в качестве добровольцев на стороне Османской империи, в частности, в Дарданельской операции 1915-1916 гг.. После февральской революции уже на первом Всероссийском съезде мусульман в мае 1917 года военному министру Керенскому была направлена телеграмма о помощи турецким военнопленным и улучшению их невыносимого положения. Кроме того, съезд потребовал часть пленных и раненных отправить на родину, в Турцию, а если это невозможно, то в южные губернии России (3, с.378-379).

В отличие от азербайджанцев, армянские организации во главе с «Дашнакцутюн» всецело поддерживали стремление Временного правительства продолжать войну до победного конца, не расставаясь с надеждой получить обещанные им вилайеты Восточной Анатолии, а также части азербайджанских и грузинских территорий. Если в начале первой мировой войны армяне, руководимые дашнаками, посылали на Кавказский фронт лишь отдельные добровольческие дружины, то после свержения царизма, пытаясь любой ценой добиться воплощения в жизнь идеи «Великой Армении», на фронт отправлялись уже целые корпуса, сформированные из армян (7, с.5). Именно эти формирования сыграли роковую роль в истреблении в марте 1918 года мирного азербайджанского населения.

Не испытывали особых симпатий к Турции и грузины, особенно когда под угрозой турецкого наступления оказались занятые ранее русскими Карс, Ардаган и Батуми. Диаметрально противоположная позиция грузин, армян и азербайджанцев в этом вопросе сыграла решающую роль в развале будущего Закавказского Сейма и Федерации.

Наиболее активные слои азербайджанского населения были заняты в этот период формированием политических и общественных организаций. На стадии трансформации из подпольной группы единомышленников в массовую партию находилась в это время «Мусават», которая в июне объединилась с гянджинской партией федералистов и объявила о своем новом названии – «Тюркской демократической партии федералистов Мусават» (6, с.316). В первые месяцы после свержения монархии в Азербайджане образовалась масса общественных организаций, а благотворительные общества приступили к открытой деятельности (23, 19 марта, №64).

Усилия по консолидации азербайджанского общества, несмотря на все препятствия, начали приносить первые плоды. Большую роль в этом сыграл первый съезд мусульман Кавказа, проведенный в Баку 15-17 апреля 1917 года. Нам хотелось бы оста-

новить внимание на тех вопросах, которые слабо освещались в исторической литературе в связи с этим съездом, между тем там был сделан ряд заявлений со стороны как азербайджанских, так и русских общественных деятелей, которые обозначили их точку зрения и приоритеты относительно текущих и будущих событий. Выступивший на открытии съезда М.Г.Гаджинский обратился к собравшимся с тем, какие возможности открыло перед мусульманами Кавказа падение царского деспотизма в России и над какими вопросами следует им сейчас работать. На первый план, по его словам, в общегосударственных вопросах следует выдвинуть вопрос национальной политики мусульман. Классовые же и социальные вопросы пока должны быть отложены, т.к. они могут быть разрешены только после решения общенациональных вопросов (23, 18 апреля, №85). Выступивший следом за ним А.М.Топчибашев напомнил участникам съезда о политике старого русского правительства в отношении населяющих Россию нерусских национальностей, политике их разведения и натравливания друг на друга. Если же народы Кавказа хотят встать на путь освобождения, то они должны пойти в Учредительное собрание с общими стремлениями и идеалами, которыми, по его мнению, является восстановление былого величия Кавказа, его могущества и силы (23, 18 апреля, №85).

От имени польских организаций выступил бывший кадет и будущий член парламента С.А.Вонсович, который вместе с приветствиями в адрес мусульман сделал ряд недвусмысленных заявлений. Прежде всего он предостерег мусульман от тех отрицательных инстинктов захвата власти, которые могут у них проявиться при необдуманном их отношении к делу. Он также заявил, что мусульманам Кавказа прежде всего «нужно заботиться об устройстве жизни Кавказа, а не задаваться химерическими мечтаниями о создании какой-то высокой башни, откуда бы можно было обозревать все русское государство» (23, 18 апреля, №85). То есть те тенденции, которые стали проявляться в

призывах о федеративном устройстве России и создании автономии Вонсович обозначил как «химерические мечтания». От партии народной свободы (кадетов) выступил Б.Л.Байков, отметивший, что его партия желает мусульманам воплощения всех своих чаяний, в том числе и национального самоопределения, однако «сплотившись под знаменем свободной России». В то же время он выразил уверенность, что мусульмане поддержат Временное правительство в его стремлении довести войну до победного для России конца (23, 18 апреля, №85). Таким образом, представители правящей партии, заявляя обо всех свободах, на деле не допускали мысли о реальном самоопределении мусульман в какой-либо форме.

Резким диссонансом на этом фоне прозвучала выступлением Н.Усуббекова, Г.Агаева, М.Э.Эфендиева и М.Э.Расулзаде. Н.Усуббеков конкретно заявил, что больше всех пострадали от царского деспотизма тюрко-татарские племена, приведя в пример судьбу как своего народа, так и крымских татар, Астраханского и Казанского ханств, дагестанских мусульман и киргизов, у которых насильственно отнимались земли и выселялись народы. Выступивший вслед за ним муфтий М.Э.Эфендиев впервые озвучил мысль, что национально-политическим лозунгом кавказских мусульман должна являться федеративная республика (23, 18 апреля, №85). В выступлении Гасан бека Агаева, представлявшего так же, как и Н.Усуббеков, Гянджу (тогда Елисаветполь) прозвучала мысль о том, что долг собравшихся делегатов определить наиболее верные пути к культурно-национальному самоопределению мусульман Кавказа. По мнению оратора, таким путем является лишь путь, ведущий к демократической республике, основанной на децентрализации государственной власти (23, 21 апреля, №86). И наконец, в обширной речи М.Э.Расулзаде, как бы подводившей итог всем выступлениям, делается вывод о том, что в таком обширном территориально и разнообразном в этническом отношении государстве как Россия,

централизация власти является фактором искусственным, а потому непригодным для правильного развития государства. Поэтому единственным выходом из этой ситуации может стать федерализация России с предоставлением права свободного национального самоопределения народам. Отдельные автономные национальности должны образовывать союз народностей России. Для решения вопросов внешней политики, о войне и мире, управления общегосударственными достижениями, как железные дороги, почта, телеграф и т.п., он предложил образовать общий для всех федераций совет из их представителей (23, 21 апреля, №86). В этой провидческой речи Расулзаде как будто предсказал с некоторыми оговорками будущее устройство страны. Кроме того, по его мнению, отдельные родственные национальности могут создавать свои союзы, например, «кantonы Туркестан, Татаристан, Киргизистан и Азербайджан могут объединиться в союз тюрко-татарских племен» (23, 21 апреля, №86). Выступление Расулзаде, впрочем как и всех ораторов, было встречено бурными овациями.

Съезд принял постановление о том, что будущее устройство России он видит в форме Демократической Республики на территориально-федеративных началах и вынес постановление о создании «единого, центрального обще-мусульманского органа для всей России с законодательными функциями». Вместе с тем, съезд принял решение поддерживать Временное Правительство в его демократических преобразованиях, завершить войну без аннексий и контрибуций. О том, какое воодушевление вызвал этот съезд среди общественности, свидетельствует то, что его участников – лидеров азербайджанского национального движения А.М.Топчибашева, М.Э.Расулзаде, Н.Усуббекова, Ф.Хойского, М.Асадуллаева и М.Г.Гаджинского участники съезда, закончившегося в два часа ночи, донесли до их домов на руках (23, 21 апреля, №86).

Таким образом, из общего хода первого съезда видно, что наряду с поддержкой де-

мократических завоеваний революции азербайджанские общественные деятели начинают фокусировать внимание на общенациональных проблемах и уже серьезно обсуждают форму будущего устройства государства. Если часть из них ограничивалась заявлениями о поддержке демократических завоеваний в России, то другая часть, представленная М.Э.Расулзаде и гянджинскими общественными деятелями, открыто выступила с заявлениями о необходимости федеративного устройства, дающего право широкого самоуправления всем национальностям.

Однако, на этом съезде, так же, как и на следующем съезде в Москве, была озвучена и другая точка зрения, на которой настаивал выдающийся кумыкский общественно-политический деятель, будущий представитель Дагестанского областного исполкома в Закавказском комиссариате Гайдар Бамматов (Баммат). Это было требование экстерриториальной, или как ее называл сам автор, национально-персональной автономии. В большой статье на страницах «Каспия», посвященной этой теме, Г.Баммат писал, что нация, составляющая большинство на своей территории, может оказаться в меньшинстве на другой территории. Исходя из популярного в международной правде принципа экстерриториальности, национально-персональная теория исходит из понимания нации не как общности территориальной, а как общности духовной. Созданная на этом принципе автономия освобождает государство и его органы на местах от весьма сложных обязанностей в отношении населяющих ее национальностей, раскрепощает их в духовно-культурных делах и дает им возможность мирно сосуществовать с другими нациями (23, 2 мая, №96). Свою позицию Г.Баммат кардинально изменил после провозглашения Горской республики в мае 1918 года, став в ней министром иностранных дел.

После этого съезда значительно активизировалась общественно-политическая жизнь азербайджанского общества. В конце апреля проходит первое учредительное собрание «журналистов, поэтов, писателей

мусульман», избирается их руководящий орган (23, 30 апреля, №95). Особый интерес к этим событиям проявила учащаяся молодежь. В мае в Баку были образованы Центральный Комитет и «Фонд учащих мусульман Кавказа» (11, с.52) 5 мая в Баку проводится первый съезд учащихся-мусульман (23, 11 мая, №103).

Одним из значительных последствий Кавказского съезда было решение об издании так называемого «автономного отдела» газеты «Каспий» под названием «Известия Комитета Бакинских мусульманских организаций», редактором которого стал Дж. Гаджибеков (Дагестани). В первом же сообщении нового издания провозглашается: «Наш политический идеал – демократическая республика на территориально-федеративных началах» (23, 30 апреля, №95). Одной из главных тем издания стала проблема национального самоопределения. В этом отношении хотелось бы выделить статью П.Розиста, посвященную принципу самоопределения народов, где автор призывает Временное правительство прекратить вести «убийственную политику русификации» в отношении всех населяющих окраины России народов. По словам автора, как всеобщую политическую амнистию, декларации по финляндскому, польскому и еврейскому, так и по вопросам всех национальностей нельзя откладывать решения до Учредительного собрания, «которое Бог весть, когда еще соберется» (18, 1 августа, №170). В своих декларациях Временное правительство, провозглашая принцип самоопределения народов, на практике всеми силами старалось ему противодействовать.

Вопросы территориально-административного устройства жизни российских мусульман нашли отражение в работе Всероссийского съезда мусульман, начавшего свою работу в Москве 1 мая 1917 года в доме Ш. Асадуллаева. Многие из участников Кавказского съезда – А.М.Топчибашев, М.Э. Расулзаде, С. Аджалов, С.Ибрагимов, Х. Тергулов выехали в Москву для участия в работе

этого съезда (23, 28 апреля, № 93). Всего на съезде приняло участие до 900 делегатов.

На обсуждение съезда были выдвинуты культурная и образовательная деятельность среди мусульманского населения, отношение к войне, Учредительному Собранию, женский и рабочий вопросы, земельный вопрос, об окраинных мусульманских территориях (Кавказ, Туркестан, Казахстан), об армейских организациях, о политической организации, о тактике в преддверии выборов в Учредительное Собрание, об избрании Всероссийского Мусульманского Национального Совета. Характерным явлением стало присутствие около 100 женщин-мусульманок, из которых большую часть составляли студентки и выпускницы высших учебных заведений, врачи, педагоги, юристы. Участник съезда Тамарин назвал их «звездной сотней», выступающей с открытыми лицами и наравне с мужчинами и голосующей по вопросам большого политического значения (20, с.132).

Как известно по многочисленной исторической литературе, наибольшие дискуссии на съезде вызвали два вопроса: это национальный язык, связанный с проблемой культуры и просвещения, и форма государственного устройства мусульман. После продолжительных дебатов было принято решение о том, что в суверенное право каждой нации входят проблемы просвещения и культуры. Начальное образование на национальных языках должно носить обязательный характер, а мусульмане, завершившие национальные школы, принимаются в высшие учебные заведения России без экзаменов. Для детей мусульман, обучающихся в иноязычных школах, должен преподаваться национальный язык (при наличии более восьми детей) (3, с.346-348).

Наиболее жесткая дискуссия развернулась по вопросу о форме будущего государственного устройства России, разделив участников съезда на «федералистов» и «унитаристов». В азербайджанской историографии принято было считать, что сторонниками федеративной модели устрой-

ства России с предоставлением национально-территориальной автономии, стали азербайджанские представители во главе с М.Э.Расулзаде. Сторонником же противоположной точки зрения, т.е. национально-культурной автономии, являлся представитель северо-кавказского населения А.Цаликов. Но круг оппонентов не замыкался только на этих фигурах и расхождения их во взглядах были не так однозначны и кардинальны.

Так, помимо М.Э.Расулзаде, с пламенной речью в защиту территориальной автономии выступил выдающийся деятель башкирского национального движения Ахмед-Заки Валиди (Валидов), которую он уже в ноябре 1917 года даже смог претворить ее в жизнь, провозгласив образование национально-территориальной автономии Башкортостан как части федеративной России и став членом башкирского правительства (22, с.367). Также сторонником федерализма выступил аджарский депутат Г.Лорджипанидзе, но при этом он предлагал установить общие вопросы, решение которых необходимо предоставить центральной власти и только после этого определять степень самоуправления автономных единиц (20, с.135). По мнению подытожившего выступления федералистов М.Э.Расулзаде, только в рамках территориальной автономии мусульманские, и в частности, тюрко-татарские нации смогут реализовать стоящие перед ними политические и культурно-просветительские цели. Позицию федерализма поддержали Г. Исхаки, А.М.Топчибашев, Дж.Достмухаммедов (14, с.58-59). При этом Топчибашев дал юридическую оценку федеративной республики, предложив название «Объединенной народной республики», что означало, что в ведении демократических институтов находится исполнительная, законодательная и правоохранительная власть (14, с.113).

Позицию А.Цаликова, заявившего о целесообразности сохранения единого централизованного государства в России, которое, по его мнению, могло бы «способствовать

формированию многомиллионной мусульманской демократии» (31, с.23), принято связывать с идеей унитаризма. Однако, не все было так однозначно. Следует подчеркнуть, что при этом он выступал за широкое областное самоуправление, нежелательность же автономии аргументировал тем, что в таком случае в будущем парламенте появится необходимость иметь двухпалатную систему, которая нецелесообразна для защиты национальных интересов мусульман (31, с.24). Убеждая участников съезда поддержать его точку зрения, А.Цаликов представил статистику проживания мусульман, по которой лишь в 15-и из 96-и губерний и областей России удельный вес мусульман составляет более 50%. А это значит, что в случае объявления национально-территориальной автономии большинство мусульман останется за пределами автономий (28, с.15). Кроме того, национально-территориальная автономия, по его мнению, будет способствовать сепаратизму среди мусульман, к примеру, возникновению «татарства, туркменства, казахства, крымства, башкирства, таджикства и азербайджанства», что он считал противоречащим идее единого «мусульманского этноса» (31, с.24). В конце своей речи Цаликов заявил, что «Россия должна представлять децентрализованную, демократическую парламентарную республику. Культурно-национальная автономия мусульман России должна быть гарантирована конституцией страны как публично-правовой институт (31, с.25).

Противником территориальной автономии в тот период являлся и Г.Баммат, который в своем выступлении на этом съезде обратился к присутствующим с призывом единения под знаменем ислама, что «исходит из понимания нации не как территориального единства, а как единства духовного, как единства людей, сознающих свою принадлежность к одному национальному коллективу вне зависимости от территории, на которой в силу тех или иных случайных причин они живут» (28, с.11). И, как уже упоминалось выше, против идеи федерали-

зации выступила татарская делегация. Общим для всех этих выступлений была недопустимость разъединения мусульман, скрепленных духовными узами. Еще больше подкрепило эту уверенность выборы муфтия, которые впервые состоялись на этом съезде.

На все эти заявления Расулзаде резонно заметил, что нация - понятие светское, хотя и обязательно содержит в себе религиозный фактор. Он заявил, что не существует мусульманской нации, а есть нации, исповедующие ислам (28, с.12). М.Э.Расулзаде также явился автором резолюции, отражающей точку зрения федералистов, которую съезд принял большинством голосов (446-за, 271-против). В нашей историографии обычно излагается только первая часть этой резолюции, однако полностью она звучала так: «Формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией» (28, с.13). То есть, в резолюции нашло свое отражение мнение обеих сторон в зависимости от конкретной ситуации, поскольку с мнением большого числа противников федерализма нельзя было не считаться. Выдающийся казахский общественный деятель и идеолог Туркестанской автономии М. Чокаев писал, что «унитаризм» группы мусульманского населения объяснялся не их «особенной любовью к «единой и неделимой», а средством защиты себя, средством отстаивания своей национальности и национальной культуры» (19, с.429).

I Всероссийский мусульманский съезд основал Всероссийский мусульманский совет и его исполком (Икомус или Милли Шуру) с целью выработки общей линии поведения и координации действий мусульманских организаций России. Милли Шуру стал А. Цаликов (20, с.145). Азербайджанские делегаты не вошли в состав этого совета, полагая, что он должен координировать

деятельность только автономных образований, хотя позже и посылали туда своих представителей. На демократическом совещании, открывшемся 12 августа в Москве под председательством А.Ф.Керенского, выступивший от имени всех мусульман А.М.Топчибаев заявил, что на данном этапе мусульмане ставят вопрос о национально-культурной автономии, а самоопределение мусульманских народов будет рассматриваться только после Учредительного Соборания (23, 25 августа, №190).

Пока мусульманские народы России обсуждали формы будущего государственного устройства, армянские организации приступили к практической реализации своих планов по созданию «Великой Армении». И начали они эти действия задолго до провозглашения независимости трех республик. Уже в марте 1917 года в Петрограде был организован специальный Комиссариат по делам Кавказа во главе с В.Д.Набоковым и Г.Г.Евангуловым. Последний, юрист и армянин по национальности, был известен еще в начале XX века своими трудами по уголовному праву и административной реформе на Кавказе, направленной на расширение территории проживания армян (15). Поэтому это известие представители азербайджанского населения встретили настороженно, откровенно высказывая на страницах прессы свое отрицательное отношение к этому назначению (18, 18 июля, № 158). Их опасения оказались не напрасными. Армянским представителям удалось убедить руководителей ОЗАКОМа учредить «Особое совещание», представляющее основные национальности Закавказья для выработки законопроектов по пересмотру существующих границ губерний (10, 14 апреля, № 82). Это совещание принялось определять спорные и бесспорные территории губерний согласно этническому составу населения.

На одно из заседаний Комиссариата по делам Кавказа в июле 1917 года был приглашен Ф.Х.Хойский, которому был представлен проект реформы, фактически отторгающей шесть уездов нагорной части Ели-

саветпольской губернии, в том числе Зангезур и нагорную часть Карабаха в пользу армян. Такая беспардонность естественно вызвала протест Ф.Хойского, заявившего, что подобные решения должны обсуждаться только на местах при участии всех заинтересованных сторон. Бакинский комитет мусульманских организаций также принял резолюцию протеста, осуждающую данное решение совещания и вообще выступил против самого факта создания комиссариата по делам Кавказа в Петрограде (18, 13 июля, №154). Коши протеста были направлены членам Временного правительства, во Всероссийский Мусульманский совет и в ОЗАКОМ.

Невзирая ни на какие протесты, армяне продолжали внедрять в сознание новых властей необходимость территориального размежевания Южного Кавказа. Особенную активность, как всегда, проявили дашнаки, регулярно проводившие районные совещания и съезды с требованием территориального национального самоуправления для армян. Интересное заявление озвучивают они на одном из таких заседаний: «мы не совершили бы ничего противоправительственного, если бы громогласно потребовали бы, чтобы армянам исключительно были отведены свободные земли на т.н. армянской территории, обнимающей Эриванскую губернию, Карский округ и южные уезды Тифлисской и Елисаветпольской губерний» (10, 13 июля, №155). Аппетиты дашнаков росли по мере ослабления центрального правительства, вскоре они уже потребовали объединения так называемых «трех Армянских», состоящих из российских, турецких и персидских армян. (10, 29 июля, №168). Поэтому утверждение о том, что Иреван был подарен азербайджанскими депутатами Заксейма армянам, по меньшей мере не совсем не совсем корректно, поскольку вопрос об Иреванской губернии и даже о Тифлисе муссировался армянами на самом высоком уровне еще до октябрьского переворота, и вполне возможно, что, останься Временное правительство у власти, они получили бы

своего административную единицу. Пытались вынести этот вопрос на обсуждение армяне и на Всероссийском съезде партии кадетов, однако получили решительный отпор со стороны члена правительства, кадета Ф.Ф.Кокошкина, пророчески заявившего, что «разделение России по национальному принципу логически ведет не к федерации, а ведет к распаду России, к образованию союза самостоятельных национальных суверенных государств» (10, 25 мая, № 113). И тем не менее, эти претензии армяне озвучили на своей конференции и предъявили Министерству внутренних дел Временного правительства, которое в свою очередь обратилось с «Объяснительной запиской к проекту об изменении границ губерний и уездов Закавказского края» (23, 21 декабря, №279). В документе подробно описывается национальный состав и предлагается перед введением земства административный передел края. Прежде всего обращается внимание на Елисаветпольскую и Иреванскую губернию, первая из которых делится на горную и низменную части. Горная часть населена преимущественно армянами (419 тыс.), низменная – мусульманами (797 тыс.), при этом армяне во всех уездах, кроме Шушинского, составляют меньшинство (23, 21 декабря, №279). Такое же распределение населения по уездам наблюдается в Иреванской губернии, где армян 670 тыс., а мусульман 410 тыс. и где армяне составляют большинство лишь в трех уездах из семи. Из этого министерство делает вывод, что наиболее целесообразным было бы отделение нагорных частей от низменных. Кроме того, «в Эриванской губернии тяготеют два восточных округа Карской области, где армяне составляют относительное большинство, а также части Борчалинского и Ахалкалакского уездов Тифлисской губернии с преобладанием армянского населения». Административное обособление этих частей, по мнению министерства, не вызывает затруднений (23, 21 декабря, №279). Таким образом, еще до октябрьского переворота армяне под предлогом земской реформы добились на самом

высоком уровне признания административного передела земель Южного Кавказа в свою пользу.

Однако, этим планам пока не суждено было сбыться, поскольку Временное правительство пало. Декрет «О введении земства в Закавказье» был оглашен уже после октябрьского переворота образованным в ноябре 1917 года Закавказским комиссариатом (23, 6 декабря, №267). Согласно этому декрету, в тех местностях Закавказья, где не возникает вопроса о переделе административных границ, земские учреждения вводятся немедленно. В спорных же губерниях, уездах и округах эти вопросы вносятся на обсуждение грузинского, армянского и мусульманского национальных советов. Бесспорными территориями были признаны: Бакинская, Кутаисская и Черноморская губернии, Батумская и Дагестанская области, Сухумский и Закатальский округа, часть уездов Тифлисской губернии, Ардаганский и Ольгинский округа Карсской области (23, 6 декабря, №267). Спорными соответственно были обозначены: Иреванская губерния, Елисаветпольский, Казахский, Джеванширский, Шушинский, Зангезурский и Карягинский уезды Елисаветпольской губернии, Александропольский и Борчалинский уезды Тифлисской губернии (23, 6 декабря, №267). Но этот вариант не устроил армян, поскольку по нему выходило, что «земство распространяется лишь на Грузию и татарские области, а вопрос о введении земства в Армении вновь откладывается на целый месяц», и они восприняли это решение, как «акт грубого оскорбления и бесчестия в адрес армянской демократии» (23, 13 декабря, № 272). Поскольку претензии армян распространялись почти на все спорные территории, то нетрудно было предугадать, какую территорию рассматривали они в качестве «Армении».

Вопрос о земстве так и не был решен Закавказским комиссариатом, его решение откладывалось до созыва Учредительного собрания.

I съезд партии «Мусават», состоявшийся 25-26 октября 1917 года, также уделил много внимания вопросам государственного устройства. Заслуживающим внимания на этом съезде был доклад Шафи бека Рустамбекова, вернувшегося из Киева, где в сентябре проходил съезд народов России (23, 31 октября, № 244). По сообщению Рустамбекова, открывший съезд председатель Центральной Рады проф. М.С.Грушевский выразил уверенность, что принцип федерации продолжает оставаться лозунгом данного момента, объединяющим все главные народности России. Самое интересное, что представитель Временного правительства Славинский также заявил, что единственной формой правления в России может быть автономно-федеративный строй (29, с.182). Однако столь сенсационное заявление Славинского носило декларативный характер, поскольку на практике Временное правительство продолжало придерживаться идеи централизма, что и было отмечено в выступлении на киевском съезде. Представители мусульманских народностей образовали на съезде Мусульманскую фракцию, где от имени центрального комитета тюркской партии федералистов (Мусават – И.Б.) и елисаветпольского мусульманского комитета сделал большой доклад Ш.Рустамбеков (23, 31 октября, №244). Он заявил, что мусульманские народы империи с замечательным упорством боролись с русской ассимиляцией и сумели сохранить свою национальную самобытность. В сложившихся условиях Рустамбеков считал наиболее целесообразным объединение всех политических партий на национальную, а не социальную почву, что даст возможность объединить живые силы и уберечь нацию от охватившего Россию пожара. В качестве примера он привел украинские партии, сумевшие создать центральную раду (23, 31 октября, №244). После многочисленных дебатов о преимуществах федерации или конфедерации участники съезда приняли резолюцию, в которой Временному правительству предлагалось: провозгласить акт о полном само-

определении народов России; установление федеративного строя; национализация армии; участие народов России на мирной конференции, где будут решаться их судьбы; организовать Совет народов, куда войдут представители всех наций с центром в Киеве; независимо от созыва Учредительного собрания признать необходимым в срочном порядке созыв Учредительного собрания отдельных наций (29, с.190). Таким образом, украинским делегатам удалось провести свою повестку на фактическое отделение от России, которую поддержало большинство участников съезда.

Первый же съезд Мусавата, наряду с провозглашением всех демократических свобод, принял и резолюцию о государственном строе в России, который «должен быть в форме федеративной демократической республики, на началах национально-территориальной автономии. Партия добивается автономии Азербайджана» (13, ф.894, оп.1, д.56, л.5).

Как раз в день проведения этого съезда была получена весть об октябрьском перевороте в Петрограде, который в силу бушевавшей в стране анархии предрекали еще на киевском съезде. Тем не менее, о грядущих замыслах большевиков мало кто догадывался и на повестке дня все еще стоял вопрос о созыве Учредительного собрания.

Все последние месяцы 1917 года были посвящены выборам в этот представительский орган, на который возлагалось так много надежд. Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное Собрание была создана еще в марте 1917 года, т.е. сразу после революции, однако сроки выборов в него постоянно откладывались. После многочисленных совещаний наконец было принято решение о проведении выборов 12 ноября, но Временное правительство до этого дня не дожило, и выборы в России проводились уже при большевиках, сначала арестовавших и только перед выборами выпустивших на свободу членов выборной комиссии (25, с.96-97). Что касается Южного Кавказа, то здесь 2 июля при ОЗАКОМе была обра-

зована Центральная Комиссия по выборам в Учредительное Собрание, сопредседателем был избран А.М.Топчибаев, а одним из секретарей - М.Г.Гаджинский. Сопредседателем губернской комиссии был избран Ф. Хойский (11, с.75, 101). 8-9 октября в Елизаветполе прошло совещание комиссии для выработки политической платформы по выборам в Учредительное Собрание. На этом совещании обнаружилось достаточно большое разногласие между мусаватистами и социалистическим блоком, не желающим идти ни на какие компромиссы практически по всем обсуждаемым вопросам. Социалистический блок был представлен социал-демократами, эсерами, тюркскими социалистами и «Гуммет». Социалисты отказались входить в общий список с мусаватистами и иттихадистами и выдвинули новое требование, согласно которому их блоку должно быть предоставлено две трети кандидатов на выборах в Учредительное собрание (23, 17 октября, №232). Это вызвало естественное возмущение и несогласие остальных делегатов, в результате чего социалисты в знак протеста покинули совещание. Оставшиеся участники совещания составили единый «Список национальных комитетов и партий тюркских федералистов-децентралистов «Мусават», в котором значилось 19 человек. Это были М.Ю.Джафаров, А.М.Топчибаев, М.Э.Расулзаде, Н.-б.Усуббеков, Г.Агаев, Х.Султанов, О.Ф.Неманзаде, М.Махмудов, Ш.Рустамбеков, М.Векилов, С.Бебутов и др. (2, 13 октября, №589).

Выборы в Учредительное собрание на Южном Кавказе состоялись 26 ноября 1917 года. "Положение о выборах в Учредительное собрание" было весьма демократичным для своего времени, к голосованию допускались женщины и военнослужащие. На 9 избирательных участках были устроены отдельные помещения для голосования женщин-мусульманок (4,с.22). Большинство голосов на выборах получили грузинские меньшевики, мусаватисты и дашнаки (73% голосов), за большевиков проголосовало 4,4% избирателей, из которых большую

часть составляли избиратели бакинских промысловых районов и солдатские гарнизоны. Эсеры набрали 16,9% голосов (30, с.96). Большая часть мусульманских избирателей проголосовала за Мусават, а армянских - за Дашнакцупюн, продемонстрировав тем самым приоритет национального выбора над классовым.

Судьба Учредительного собрания, под лозунгом борьбы за которое прошел весь 1917 год, известна. Оно было разогнано большевиками, получивших там всего 24% мест, уже на следующий день после начала его работы, 6 января 1918 года. Формальной причиной послужило непринятие собранием подготовленного Лениным проекта «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», по которой Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, после чего большевики и левые эсеры покинули Таврический дворец. Однако разгон был запланирован с самого начала, поскольку еще в декабре 1917 года на 8 января 1918 года было назначено открытие III Всероссийского съезда Советов, а всем Советам, а так же армейским и фронтовым комитетам были разосланы телеграммы с указанием, что лозунгу «Вся власть Учредительному Собранию» надо противопоставить лозунг «Вся власть Советам» (27, с.62-63). Этими действиями большевики фактически положили начало расколу общества и гражданской войне в России.

Члены Учредительного Собрания от Закавказья по коллективной договоренности не поехали в Петербург, а собрались в Тифлисе, и после вести о разгоне учредили свой представительский орган - Закавказский Сейм, не признавший советскую власть и положивший начало процессу провозглашения независимости республик Южного Кавказа.

Таким образом, 1917 год оказался судьбоносным не только в жизни России, но и всех ее национальных окраин, которым суждено было завоевать буквально через год свою независимость. Но эта независимость была завоевана не на пустом месте, Азербайджан шел к этому долгие годы упорной

борьбы своей интеллектуальной элиты за просвещение нации, внушения ей высоких идеалов свободолюбия, равенства и национального достоинства. Весь накопленный за столетие российского власти опыт просветительства и борьбы за социальное равенство был реализован в течение одного года возрождением и институализацией политических партий и общественных организаций, взваливших на свои плечи нелегкое дело создания первой в мусульманском мире независимой республики с парламентской формой правления. Освещение всех перипетий и катаклизмов этого поистине исторического года, за который произошло крушение тысячелетней абсолютной монархии, установление республики с либерально-демократической формой правления и большевистский переворот, установивший новую империю пролетарской диктатуры, его влиянии на Азербайджан и явилось целью данной статьи. Какую бы оценку ни давать этим событиям, ясно одно - без них достижение независимости не произошло бы за такой короткий период и могло бы остаться мечтой еще многих поколений наших соотечественников.

Список использованных источников и литературы:

1. Azərbaycan tarixi yeddi cildə. V cild. Bakı, 2008.
2. «Açıq söz», 1917, 7 mart, № 417.
3. İhsan İlgar. Rusya'da Birinci Musluman Kongresi tutanakları. Ankara: Kultur Bakanligi, 1990.
4. Агамалиева Н.А. О выборах в Учредительное собрание по Азербайджану // Известия АН Азербайджана. Серия истории, философии и права. 1990, № 4.
5. Архив политических документов Управления делами Администрации Президента Азербайджанской Республики.
6. Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку, 1997.
7. Балаев А.Г. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008.
8. «Бакинец», 1917.
9. «Бакинский рабочий», 1917.
10. «Баку», 1917.
11. Беленький С., Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане. Баку, 1927.
12. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы (1917-1918). Баку, 1957.
13. Государственный архив Азербайджанской Республики.
14. Гасанов Г. На пути к первой республике. Баку, 2010.
15. Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. Начало XX века, административно-территориальное устройство, управление окраинами, местное самоуправление. Пг., 1914.
16. Известия Бакинской городской думы», 1917 г. Ч. II.
17. «Известия Бакинского Совета», 1917.
18. «Известия Бакинского Комитета Мусульманских Общественных Организаций», 1917.
19. Исхаков С.М. Национально-революционное движение в Центральной Азии (1917-1918): позиция М.Чокаева // Академик П.В.Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000.
20. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (Весна 1917-лето 1918 гг.). М., 2004.
21. Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье (1917-1921). 2-е изд. Стокгольм, 2010.
22. Калимуллина Г. Т. Генеалогия рода Валидовых // А. А. Валидов - организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917-1920). Документы и материалы. Ч. 1.- Уфа, 2005.
23. «Каспий», 1917.
24. Милоков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля - 3 марта) // Страна гибнет сегодня.

Воспоминания о Февральской революции 1917 г.- М., 1991.

25. Набоков В.В. Временное правительство// Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. Т. 2, М., 1991.

26. Набоков В.В. Временное правительство// Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. Т. 2, М., 1991.

27. Политическая история. Россия-СССР-Российская Федерация. М., 1996.

28. Программные документы мусульманских политических партий (1917- 1920). Оксфорд, 1985.

29. Революция и национальный вопрос. (Документы и материалы по истории национального вопроса в России в XX веке). Т.3, М., 1930.

30. Спирин Л.М. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. //Журн. «История СССР», 1988, №2.

31. Цаликов А. Мусульмане России и война. Речи, произнесенные на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1-11 мая 1917 года. Пг., 1917.

32. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. Три Века Истории. М., 1999.

Xülasə

İradə Bağirova

Azərbaycan Rusiyada monarxiyanın süqutundan sonra: yeni dövrün problemləri və çağırışları (1917-ci ilin fevralı – 1918-ci ilin yanvarı)

Açar sözlər: *Fevral inqilabı, Dövlət Duması, Müsəlman fraksiyası, Mühvəqqəti hökumət, OZAKOM, Müsəlman qurultayı, Müəssislər Məclisi*

Məqalə 1917-ci ilin fevralından 1918-ci ilin yanvarına qədər Azərbaycan tarixinin çox zəngin və ziddiyyətli dövrünə həsr olunmuşdur. Bu, Rusiyada monarxiyanın devrilməsi, başda Mühvəqqəti Hökumət olmaqla demokratik respublikanın elan edilməsi, Qafqazda yeni hakimiyyət orqanların təsis olunması dövrü idi. Gündəmdə olan əsas məsələlər milli və sülh məsələləri idi ki, Cənubi Qafqazda yaşayan hər bir millətin bu problemlərin həllinə öz baxışı mövcud idi. Vətən tarixşünaslığında az işlənən və həmin məsələlər məqalədə öz əksini tapmışdır.

Summary

İrada Bagirova

Azerbaijan after the fall of the monarchy in Russia: problems and challenges of the new time (February 1917 - January 1918).

Key words: *the February Revolution, the State Duma, the Muslim faction, the Provisional Government, OZAKOM, the Muslim Congress, the Constituent Assembly*

The article is devoted to the rich and contradictory period of the history of Azerbaijan from February 1917 to January 1918. It was the time of the collapse of the monarchy in Russia, the proclamation of a democratic republic with the Provisional Government at the head, the establishment of new authorities in the Caucasus. The main issues on the agenda were the national question and the issue of peace, for which each of the ethnic groups residing in the South Caucasus had their own view. The problems of resolving these issues, which have been little covered in national historiography, are reflected in this article.